

Соня стояла босиком у кромки воды. Волны подкрадывались к ней и окатывали пальцы. Серая соленая вода гладила загорелую кожу.

— Дальше не ходи, — сказала Алена.

Вода отступила. Под сводом Сониной стопы вслед за волной побежали камешки: прибой уносил с собой гальку. Соня наклонилась и подвернула штанины; волосы, собранные в хвост, взлетели на макушку. Открылись потрескавшиеся корки ссадин на икрах: она до крови расчесала следы от комариных укусов. По упрямой осанке сестры Алена поняла: Соня ее не слушает.

— Даже не думай, — предостерегла она.

Соня стояла лицом к морю. Штиль, на воде едва заметная рябь; море похоже на лист железа. Там, где бухта открывается в Тихий океан, течение усиливается; Россия остается позади, впереди только большая вода, а здесь, у берега, тихо. Море принадлежало им двоим. Уперев руки в бока, Соня окинула взглядом бухту, горы на горизонте, белые огни военной базы вдалеке.

Галька под ногами у девочек — обломки валунов. Алена уселась на булыжник размером

с походный рюкзак; у нее за спиной возвышалась отвесная стена Никольской сопки. С одной стороны вода, с другой — скала. Днем сестры гуляли вдоль берега, пока не набрали на это место. Бутылок нет, птичьих перьев тоже, и девочки решили остаться. Рядом опустились чайки, и Алена прогнала их, взмахнув рукой. Лето выдалось холодным и дождливым, но в этот августовский день стояла такая теплая погода, что можно было надеть футболку с коротким рукавом.

Соня сделала широкий шаг вперед; пятка утонула в каменистой крошке.

Алена подскочила на месте:

— Я кому говорю? Нельзя!

Сестра сделала шаг назад. Над ней пролетела чайка.

— Что ты за неслух такой?

— Я не неслух.

— Ты никогда не слушаешься.

— Слушаюсь, — возразила Соня и отвернулась. Алену в сестре раздражало все: раскосые глаза, тонкие губы, острый подбородок, даже кончик носа. Ей восемь, но выглядит она на шесть. Алена на три года старше, и она тоже выглядит младше своих лет, но Соня совсем миниатюрная: тоненькие ручки, ножки, хрупкое тело. Она и ведет себя иногда как маленькая. Например, в изножье кровати рядом посадила мягкие игрушки, любит воображать себя знаменитой балериной и не может уснуть ночью, если хоть краем глаза увидит по телевизору

какой-нибудь кадр из ужастика. Мама балует ее. Соня младшая, а значит, имеет право оставаться ребенком всю жизнь.

Уставившись в одну точку на обрыве высоко над Алениной головой, Соня подняла одну ногу над водой, вытянула носок и поставила руки над головой в пятую позицию. Поднялась на полупальцы и замерла. Алена поерзала на камнях. Мама всегда хотела, чтобы старшая дочь брала с собой сестру, когда идет в гости к подружкам, но Алена этого не делала из-за таких вот Сониных выкрутасов.

Все летние каникулы они провели вместе. Алена учила сестру делать перевороты назад с опорой на руки на парковке за домом, мокрой после дождя. В июле они сорок минут ехали на автобусе до зоопарка, а там сквозь решетку совали карамельки в вольер жадному козлу. Козел вращал узкими зрачками. Потом Алена просунула молочную карамельку в обертке в вольер с рысью; кошка зашипела, и девочки отпрянули. Карамелька осталась лежать на цементном полу. Вот и весь зоопарк. Если утром перед уходом на работу мама оставляла девочкам деньги, они ходили в кино, а после сеанса покупали один на двоих блин с бананом и шоколадом в общепите на втором этаже. В основном же они целыми днями слонялись по городу, любовались дождевыми облаками и солнечными бликами. На лицах постепенно появлялся загар. Девочки гуляли, катались на велосипедах или сидели на берегу.

Соня балансировала на одной ноге, Алена глядела на берег. Вдалеке показался человек.

— Кто-то идет, — сказала старшая сестра. Соня плюхнула одну ногу в воду и подняла другую. Может, ей плевать, что кто-то увидит, как она дурачится, но Алене, ее вынужденной спутнице, не все равно. — Хватит, — велела она. К горлу подкатила горячая волна, и девочка повысила голос: — Перестань!

Соня перестала.

Человек, шедший вдоль берега, пропал. Наверняка нашел местечко, где присесть. Все Аленино недовольство, поднимавшееся внутри, схлынуло, как вода из ванны, когда открываешь сливное отверстие.

— Скучно, — пожаловалась Соня.

Алена прислонилась спиной к скале, нащупав плечами твердую поверхность; камни холодили затылок.

— Иди сюда, — позвала она. Соня вышла из воды, выбирая, куда ступить, и села у Алены под боком, согнув колени. Камешки скрипнули. Ветер остудил Сонину кожу, и она стала холодной, как галька под ногами.

— Хочешь, расскажу историю? — предложила Алена.

— Да.

Старшая сестра посмотрела на дисплей телефона. Нужно успеть домой к ужину, но еще нет и четырех часов.

— Знаешь про поселок, который смыло волной?

— Нет.

Хотя Соня никогда не слушалась, слушала она всегда очень внимательно. Сестра вскинула голову и сосредоточенно поджала губы.

Алена махнула рукой влево, туда, где возвышались скалы. Справа располагался центр города, там девочки гуляли сегодня днем, а слева границу бухты очерчивали черные силуэты старых кораблей.

— Тот поселок стоял вон там.

— В Завойко?

— За Завойко. — Девочки сидели у подножия Никольской сопки. Если пойти вдоль берега, то увидишь каменистый склон сопки, а за ним друг на дружке громоздятся прямоугольники многоэтажек. Пятиэтажные дома советского времени из бетонных блоков. Деревянные остовы развалившихся домов. Стеклянная желто-розовая высотка с рекламным баннером об аренде помещений под офисы. Город длится до района Завойко, это последний участок суши, а за ним — вода. — На краю обрыва, где бухта выходит в океан.

— Большой был поселок?

— Да нет, домиков пятьдесят. Там жили солдаты, их жены и дети. Это случилось давным-давно, после Великой Отечественной войны.

Соня задумалась.

— А школа там была?

— Да. А еще рынок, аптека, почта и все такое. — Алена живо представила себе этот

поселок: деревянные срубы, резные наличники, выкрашенные в бирюзовый цвет двери. — Скалочная дереvушка. В центре реял флаг, а на площади местные жители оставляли свои старомодные машины.

— Ясно, — ответила Соня.

— Однажды утром жители городка готовили завтрак, кормили своих кошек, собирались на работу, как вдруг земля у них под ногами задрожала. Землетрясение! Да такое сильное, какого никто и припомнить не мог. Стены ходят ходуном, бьется посуда, мебель...

Алена оглядела каменистый берег: нет ли какой выброшенной морем ветки, чтобы ее сломать для наглядности?

— ...Мебель трещит. Дети кричат в колыбельках, а матери не могут ничем им помочь. Даже подняться на ноги не могут! Это было самое мощное землетрясение на полуострове.

— Их всех завалило? — предположила Соня.

Алена покачала головой, камень больше вознзился ей в затылок.

— Слушай дальше. Через пять минут землетрясение прекратилось. Для жителей поселка эти минуты тянулись целую вечность. Когда все закончилось, младенцы плакали, а взрослые радовались. Они ползли навстречу друг другу и обнимались. Пусть на дороге трещины, пусть провода порваны, главное — все живы. Они лежали на полу в обнимку, как вдруг через дыры на месте выбитых окон увидели тень.

Соня не мигала.

— Волна в два раза выше их домов надвигалась на берег.

— На Завойко? — переспросила Соня. — Быть такого не может. Слишком высоко.

— Говорю же, поселок стоял за Завойко. Землетрясение было таким мощным, что даже в Гималаях почувствовали толчки. А в Австралии прохожие натыкались друг на друга и спрашивали: «Это вы на меня налетели?» Вот как сильно тогда тряхнуло.

Соня молчала, и Алена продолжила рассказ:

— Землетрясение оказалось таким мощным, что в океане поднялась волна высотой двести метров, и она... — Старшая девочка вытянула руку в сторону моря и будто смахнула что-то с горизонта.

Ветерок обдавал холодом голые руки. Вокруг кричали птицы.

— Что стало с людьми? — наконец спросила Соня.

— Никто не знает. В городе все были слишком заняты, разбирались с последствиями землетрясения. Даже в Завойко никто не заметил, как стемнело; люди убирали в квартирах, ходили к соседям, чинили то, что поломалось. Когда по улицам побежала океанская вода, они решили, что где-то на холме прорвало трубу. Потом электричество дали снова, и кто-то заметил, что на краю утеса не горят огни. Место, где стоял поселок, опустело.

Вода в бухте тихонько плескалась, создавая фоновый шум ее словам: ш-ш, ш-ш, ш-ш.

— Туда отправили спасателей, но те ничего не нашли: ни домов, ни заборов, ни дорог. Даже деревьев и газонов не осталось. Голые камни, как на Луне.

— Куда все подевались?

— Их смыло. Волна застала людей врасплох. — Алена оперлась на локоть и схватила сестру за плечо, Соня дернулась. — Вот как крепко вода обхватила их тела, заперла жителей в собственных домах, подняла весь поселок со скалы и унесла в Тихий океан. Больше их никто не видел¹.

Сопка отбрасывала тень Соне на лицо. Девочка приоткрыла рот, показались неровные края верхних зубов. Алена любила иногда припугнуть сестру и смотреть, как та бледнеет от страха.

— Ты все выдумала, — сказала Соня.

— Нет, это правда. Нам в школе рассказали.

Водная гладь тускло блестела, волны ритмично шелестели. Море было будто из серебра. Булыжники, на которых несколько минут назад стояла Соня, то выглядывали из воды, то исчезали.

— Идем домой, — попросила младшая сестра.

— Еще рано.

— Ну и что?

— Я тебя напугала?

¹ Судя по всему, Алена рассказывает о цунами 5 ноября 1952 года, которое разрушило несколько населенных пунктов Сахалина и Камчатки, в том числе город Северо-Курильск и поселок Кроноки, приведя к большому человеческим жертвам. *Прим. ред.*

— Нет.

В середине бухты траулер прокладывал курс на Чукотку, Аляску или в Японию. Сестры никогда не покидали полуостров. Мама пообещала когда-нибудь свозить их в Москву, но туда лететь девять часов — через весь континент, над горами и морями, над пропастью, отделяющей Камчатку от мира. Девочки ни разу не видели сильного землетрясения, но мама рассказывала им о том, как это было в 1997-м². Тряска застала ее дома; кухонная люстра раскачивалась так сильно, что того и гляди разбилась бы о потолок, дверцы шкафов хлопали, банки с заготовками плясали на полках. Потом на улицах мама видела побитые машины, трещины на асфальте и в зданиях.

В поисках удобного места сестры прошли довольно далеко вдоль сопки, и все признаки цивилизации остались позади. Только корабль да кое-какой мусор на поверхности воды: двухлитровые пивные бутылки с волочащимися за ними этикетками, упаковки из-под селедки в масле, пластиковые пакеты. Случись землетрясение сейчас, сестрам будет негде укрыться. Камни посыпятся на них с отвесной скалы. Потом волна похоронит их тела.

Алена встала и сказала:

— Ладно, идем.

Соня тут же надела сандалии, а штанины, подвернутые до колен, расправлять не стала. Девочки перебрались через самые большие

² Речь о Кроноцком землетрясении 5 декабря 1997 года. *Прим. ред.*

валуны и отправились в обратный путь, в центр города. Алена на ходу убивала комаров. Хотя перед выходом из дома сестры пообедали, старшая успела проголодаться. «Ты растешь», — с беспокойством и удивлением заметила мама, когда на днях за обедом Алена попросила еще одну рыбную котлету. Однако она по-прежнему оставалась самой невысокой в классе: тело детское, аппетит волчий.

Сквозь крики чаек слышались голоса прохожих и редкие гудки машин. Под ногами у девочек перекатывались мокрые камешки. Алена запрыгнула на валун высотой до колен и увидела, что впереди тропинка делает поворот. Скоро отвесный склон, вдоль которого они идут, закончится. Девочки выйдут на каменистый пляж: на одном конце — палатки с уличной едой, на другом — судоремонтные мастерские, а между ними бродят толпы гуляющих. Как только они дойдут до пляжа, повернут в сторону центральной площади и сквера с вытоптаным газоном. За сквером светофор, а дальше памятник Ленину, надпись «Газпром» на доме и высокое здание администрации с флагами. Соня с Аленой попадут в самое сердце Петропавловска, по обе стороны от них будут сопки — скелет города, а вдалеке — голубая вершина вулкана.

В центре они сядут на автобус и доедут до дома. А потом будут смотреть телевизор, есть крошку и слушать мамины рассказы о работе. Она спросит, что девочки делали днем...

— Только не говори маме о том, что я тебе рассказала, — велела Алена. — Про поселок.

За спиной послышался Сонин голос:

— Почему?

— Просто не говори. — Старшая сестра не хотела отвечать за ночные кошмары младшей.

— Если это правда, почему я не могу спросить?

Алена с шумом выдохнула через нос. Она слезла с очередного валуна, обогнула несколько куч камней и остановилась.

В двух метрах от нее сидел тот самый мужчина, которого она видела идущим вдоль берега. Он ссутулился и вытянул вперед одну ногу. Издалека его можно было принять за взрослого, но вблизи он больше походил на слишком крупного подростка: пухлые щеки, выгоревшие брови; светлые волосы топорщились на затылке, как иголки у ежа.

Он вскинул подбородок и поздоровался.

— Здравствуйте, — ответила Алена и подошла ближе. — Добрый день.

— Вы мне не поможете? — спросил незнакомец. — Ногу повредил.

Сощурившись, Алена оглядела его штанину, как будто могла видеть сквозь ткань и плоть. На зеленых коленках виднелись пятна грязи. Забавно, что взрослый сидит такой сконфуженный, точно мальчишка, упавший на школьном дворе.

Соня нагнала Алену и положила руку ей на пояс. Старшая сестра стряхнула ее.

— Идти можете? — поинтересовалась Алена.

— Наверное. — Незнакомец поглядел на свои кроссовки.

— Подвернули?

— Кажется, подвернул. Чертовы камни!

Соня одобрительно хмыкнула, услышав ругательство.

— Мы позовем кого-нибудь на помощь, — предложила Алена. До центра пара минут пешком, в воздухе уже висит запах масла, на котором торговцы готовят уличную еду.

— Не надо, моя машина тут недалеко. — Он протянул руку, Алена потянула. Хотя она и была хрупкого телосложения, ей удалось поставить мужчину на ноги. — Доберусь.

— Точно?

Он немного пошатнулся и осторожно наступил на больную ногу.

— Девочки, проводите меня до машины, чтобы я не упал.

— Сонь, иди вперед, — сказала Алена. Младшая сестра пошла, за ней медленно двинулся незнакомец. Алена шла следом и смотрела. Плечи у парня были сутулые. Тихонько плескался прибой, незнакомец медленно и тяжело дышал.

Тропинка повернула к центру города: каменистый пляж, пары на скамейках, серые птицы хлопают крыльями над киосками с хот-догами, причальные краны-перегрузчики тянут в небо голые шеи. Соня остановилась и дождалась сестру с незнакомцем. Каменная громада сопки осталась позади.

— Вы в порядке? — спросила Алена.

Он показал направо:

— Почти пришли.

— На парковку?

Он кивнул и захромал позади палаток с едой; генераторы чадили, дым обволакивал колени незнакомца. Сестры пошли следом. Мальчик постарше, в кепке, плотно сидевшей на голове, проехал перед палатками на скейтборде, и Алене стало стыдно за то, что ей навязали младшую сестру, а теперь она куда-то тащится за этим странным хромым парнем. Ей хотелось поскорее домой. Она взяла Соню за руку и поравнялась с незадачливым блондином.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Алена.

— Аленка, вот тебе ключи от машины. — Он вынул их из кармана брюк. — Откроешь?

— Я открою, — вызвалась Соня. Они добрались до асфальтированной площадки в форме полумесяца на другой стороне сопки.

Парень отдал ключи младшей сестре.

— Вон тот черный «Сурф»³.

Соня побежала вприпрыжку и открыла дверцу со стороны водительского сиденья. Парень забрался в машину и шумно выдохнул. Соня держалась за ручку дверцы. Краска отполирована безупречно, в ней отражалась лиловая хлопковая футболка девочки и ее закатанные до колен брюки цвета хаки.

³ Марка автомобиля: Toyota Hilux Surf. Прим. ред.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Водитель покачал головой и ответил:

— Вы, девочки, мне очень помогли.

— Вести машину сможете? — побеспокоилась

Алена.

— Могу. Вам в какую сторону?

— Домой.

— Где вы живете?

— На «Горизонте».

— Я вас подвезу, — предложил парень. — Садитесь.

Соня отпустила ручку дверцы. Алена поглядела на автобусную остановку через дорогу. На автобусе ехать больше получаса, а на машине они доберутся за десять минут.

Парень завел мотор. Он ждал их ответа. Соня уже заглядывала на заднее сиденье. Алена, как старшая сестра, не спешила: пару секунд она прикидывала, что лучше: автобус (пока его дождешься; он останавливается на каждой остановке; внутри шумно; от пассажиров пахнет потом) или машина. Водитель выглядел безобидным, к тому же ногу повредил, а лицо у него совсем молодое. Хорошо, если он их подвезет. Сестры успеют что-нибудь перекусить до ужина. Сначала они кормили животных в зоопарке, потом рассказывали друг другу страшилки, а теперь у них новая забава — праздник непослушания, секрет, который останется между ними.

— Спасибо! — поблагодарила Алена. Она обошла машину и села на переднее сиденье,

нагретое лучами солнца. Оно было обтянуто кожей настолько мягкой, что Алене показалось, будто она села к кому-то на колени. На дверце бардачка наклеена икона в форме креста. Вот бы тот скейтбордист увидел ее сейчас на переднем сиденье большой машины! Соня уселась назад. В паре парковочных мест от них женщина открыла заднюю дверцу минивэна и выпустила белую собаку.

— Куда едем? — спросил парень.

— Академика Королёва, тридцать один.

Он включил поворотник и выехал с парковки. Пачка сигарет скользнула по приборной панели. В машине пахло мылом, табаком и немного бензином. Женщина с собакой шла мимо палаток с уличной едой.

— Болит? — поинтересовалась Соня.

— Уже лучше, спасибо. — Он встроился в поток машин. На улицу высыпал народ: гуляли подростки в костюмах флуоресцентных оттенков, китайские туристы позировали для фотографий. Женщина с короткой стрижкой держала в руках табличку с названием туристического агентства. Петропавловск — единственный крупный город на полуострове, поэтому из аэропорта или морского порта иностранцев первым делом привозят именно в центр, им показывают бухту, а потом увозят за город, где те ходят в походы, сплавают по рекам или охотятся в глуши. Просигналил грузовик. Уже зажегся зеленый, а люди все шли и шли по переходу.

Наконец черная машина с блондином за рулем сорвалась с места.

— У вас есть девушка? — спросила Соня.

Он рассмеялся и переключил передачу, направляя машину вверх по склону. Мотор мерно работал. Бухта скрылась из виду.

— Нет.

— И вы не женаты.

— Нет. — Он поднял руку и растопырил пальцы, чтобы показать, что кольца не носит.

Соня ответила:

— Я заметила.

— Умница. Сколько тебе лет?

— Восемь.

Он поглядел на нее в зеркало заднего вида.

— И ты не замужем, правда?

Соня хихикнула. Алена смотрела на дорогу. Его машина была выше, чем мамин седан. Старшая сестра разглядывала багажники на крыше других автомобилей и розовые руки водителей. Многие обгорели в этот первый за долгое время солнечный день.

— Можно опустить стекло? — спросила она.

— Давай лучше включим кондиционер. Направить воздух на тебя?

— Да, спасибо.

Кроны деревьев густо зеленели после дождливого лета. Слева мелькнул обшарпанный рекламный щит, справа тянулся фасад пятиэтажки.

— Нам сюда, — сказала Алена. — Сюда! Ой. — Она повернула голову. — Вы пропустили поворот.

— Сначала хочу кое-куда вас отвезти, — ответил водитель. — Мне опять нужна ваша помощь.

Дорога убегала вперед. Заехали на кольцевую развязку, парень сделал круг и выехал на боковую дорогу.

— Помощь с ногой? — поинтересовалась Алена.
— Точно!

Тут она поняла, что даже не спросила, как его зовут. Она посмотрела на Соню через плечо: сестра глядела назад, туда, откуда они уезжали.

— Я только маму предупрежу, — сказала старшая, достав из кармана телефон. Водитель выхватил его. — Эй! Что вы делаете?

Он взял телефон в другую руку и опустил в карман на дверце. Телефон со стуком упал на пластиковое дно.

— Отдайте, — потребовала Алена.

— Позвонишь, когда доберемся.

Она была вне себя от ярости.

— Пожалуйста, отдайте!

— Отдам, когда приедем.

Ремень безопасности накрепко придавил ее к сиденью. Казалось, он пережал ей легкие. Алена не могла как следует вдохнуть. Она молчала. Попыталась сосредоточиться. Потом рванулась в сторону водителя и потянулась к дверце. Ремень отбросил ее назад.

— Алена! — вскрикнула Соня.

Старшая девочка отстегнула было ремень, но водитель оказался проворнее, накрыл ее ладонь своей и снова защелкнул замок.

— Прекрати, — велел он.

Алена не унималась:

— Отдайте телефон!

— Сиди смирно, тогда отдам. Честное слово.

Он так крепко сдавил ее руку, что костяшки пальцев почти трещали от боли. Если он сломает ей руку, ее вырвет. Алена уже чувствовала, как подступает тошнота. Соня подалась вперед, но водитель приказал ей сесть на место.

Она послушалась, хотя и задыхалась от страха.

Рано или поздно он отнимет руку. Никогда и ничего Алене не хотелось так сильно, как получить обратно свой телефон. Черная крышка, заляпанный экран, брелок в виде птички из слоновой кости прикреплен к верхнему углу. Она ненавидела этого незнакомца больше всех на свете. Ее мутило от этого всего. Алена сглотнула.

— У меня есть правило, — заговорил водитель. Они доехали до поста ГИБДД, автобусная остановка на северной границе Петропавловска осталась позади. — Когда я веду машину, никто не говорит по телефону. Как только мы доберемся до места и если вы будете себя хорошо вести, я отдам его, а потом отвезу вас домой, и вы поужинаете с мамой вечером. Понятно? — Он сдавил ее пальцы.

— Да.

— Значит, договорились. — Парень отпустил ее руку.

Алена подложила руки под бедра и выпрямилась; одна кисть болела. Девочка сделала вдох

через рот, чтобы просушить язык. Алена вспоминала знакомые остановки на восьмом километре у библиотеки, на шестом у рынка, на четвертом у церкви, центр города, где они сегодня гуляли с сестрой. За городом тянулась череда поселков, разбросанные домики, турбазы, а дальше пустота. Ничего. Мама много путешествовала по работе, она рассказывала, что там, за городом: трубопроводы, теплоцентрали, вертолетные площадки, горячие источники, гейзеры, горы, лес и тундра. Тысячи километров тундры. И всё. Север.

— Где вы живете? — спросила Алена.

— Скоро увидишь.

За ее спиной Соня дышала так быстро, как будто вместо нее в машине сидела маленькая собачка. Алена посмотрела на водителя. Она его запомнит. Потом обернулась и сказала Соне:

— Это еще одно приключение.

Солнце освещало эльфийское личико младшей сестры. Широко распахнутые глаза ярко блестели.

— Правда?

— Правда. А тебе страшно, что ли?

Соня покачала головой и улыбнулась.

— Хорошо.

— Умница, — похвалил водитель. Он держал руль одной рукой, а другую опустил в карман на дверце. Алена услышала сигнал выключения телефона.

Парень смотрел на них в зеркало заднего вида. Синие глаза. Темные ресницы. Татуировок

на руках нет, значит, он не преступник. Почему Алена только теперь посмотрела на его руки? Когда они вернутся домой, мама их убьет.

Старшая девочка развернулась и прижалась грудью к спинке сиденья. В держателе для стакана между водительским и пассажирским креслами лежали красные резиновые перчатки. Грязные. Алена заставила себя перевести взгляд на Соню.

— Хочешь, еще одну историю расскажу?

— Не хочу, — ответила сестра.

Все равно Алена сейчас ничего не придумает. Она снова села к сестре спиной.

Колеса разбрызгивали гравий. Мимо мелькали поля с пучками травы. Солнце оставляло на дороге короткие тени. Проехали темный металлический знак, указывающий на съезд в сторону аэропорта. Машина ехала дальше.

Дорога становилась все хуже, автомобиль раскачивался из стороны в сторону. Дверная ручка с Алениной стороны дребезжала. Она представляла, как потянет за нее, откроет дверцу и выкатится на землю, но это значит — она умрет. Скорость, земля, колеса. И Соня. Неужели Алена бросит сестру?

Если бы ее только отпустили одну сегодня! Мама всегда заставляла везде таскать за собой Соньку. Мало ли что может случиться?

Соню нельзя оставлять одну. На днях она спросила, на самом ли деле существуют слоны. Думала, они вымерли вместе с динозаврами. Наивная!

Алена прижала кулаки к бедрам. Не думать о слонах. Кожаное сиденье все еще было горячим, легкие сдавило, в голове путались мысли, в воздухе пахло дегтем. Днем она рассказала Соне эту глупую историю про волну. Про то, как клочок земли просто исчез. Не могла придумать что-нибудь получше! Ничего не поделаешь, нужно сосредоточиться. Они в машине незнакомца. Он куда-то везет их. Скоро они вернуться домой. Нужно быть сильной ради Сони.

— Алена, — позвала младшая сестра.

Старшая изобразила радостную улыбку и посмотрела на нее. Щеки у Алены подрагивали.

— Да?

— Хочу, — ответила Соня. Старшая уже забыла, к чему относится этот ответ. — Хочу послушать историю.

— Конечно.

Пустая пыльная дорога, вдоль нее чахлые деревца. Гнутся и проносятся мимо. На горизонте возвышаются пики трех ближайших к городу вулканов. Горная гряда напоминает лезвие пилы. Ни единой постройки вокруг. Алена опять вспомнила цунами — как оно внезапно обрушилось.

— Слушай.

Оля вернулась домой; в квартире пахло так, как всегда пахнет, когда мамы нет: чем-то сладким и подгнившим. Может, Оля просыпала мусор, когда выносила его? Она открыла окна в гостиной, чтобы проветрить, а сама переделалась в домашнюю одежду. Потом легла на диван. Теперь ей видно только небо.

Нестерпимо синее. Не думать про новостные репортажи, строгий комендантский час, фотографии пропавших сестер. Сегодня отличный день. Вот бы с кем-нибудь погулять! После уроков Оля попыталась уговорить Диану побродить по центру Петропавловска, но подружка ответила, что не сможет: родители волнуются и просят после школы сразу вернуться домой. «Гулять небезопасно», — сказала Диана холодным тоном, как большая. В голосе подруги сквозили интонации ее матери.

А еще она напомнила, что лучшим подругам совсем не обязательно проводить все время только вместе — можно и разлучаться иногда. Целый месяц со дня похищения девочек Диана повторяла эти слова таким тоном, что было непонятно, сама она так решила или мама надоумила ее,

но подруга явно была не против. С тех пор как сестры пропали, Оля с Дианой проводили свободное время порознь. Учебный год только начался, а Диана уже дала понять: им нужно на время перестать встречаться, принять глупые правила и прикусить языки, а не устраивать бесконечные споры из-за того, что опасно, а что нет.

Олина мама не нагнетала атмосферу. Она доверяла дочери и не боялась оставлять ее одну. Мама работала переводчиком; сейчас она на севере с группой туристов из Токио. Переводит на японский слова русского гида, объясняет состоятельным гостям полуострова, как выслеживать бурого медведя, собирать поздние ягоды и купаться в горячих источниках. Когда мама уезжала, из дома пропадали музыка, запах духов и следы помады на чашках. До исчезновения сестер Диана частенько приходила к Оле в гости, когда та оставалась одна; подруги проводили время дома, но летние каникулы закончились, у всех в городе началась паранойя. Оле не с кем было пошуметь; мама вернется только в воскресенье, привезет иностранные леденцы, которыми ее угощают туристы.

Пряди волос упали на лицо. Ей и одной хорошо. Все знакомое, согретое солнышком. Прошлой весной, когда она училась в седьмом классе, их учительница по истории унизила Олю перед всеми ребятами, сказав, что у девочки не прическа, а крысиное гнездо; внутри у Оли все клокотало. Лето прошло, ей исполнилось

тринадцать, они с Дианой исходили город вдоль и поперек; пряди пощекотали Оле шею, она вспомнила слова учительницы, и ей даже понравилось. Крысиное гнездо. Она зверек, а квартира — ее нора.

Оля потянула носом — запах выветрился.

На улице просигналил грузовик, другой просигналил в ответ. Девочка перевернулась на живот, взяла телефон и стала листать новостную ленту: селфи, скейт-парки, одноклассницы в коротких юбках. Чья-то подружка оставила в комментариях своему парню сердечко. Оля кликнула на ее страницу, посмотрела все фотографии, нашла общих с этой незнакомкой друзей, полистала их аккаунты, кликнула на парочку, пробежала глазами посты. Вернулась к своей ленте, обновила ее и застыла.

Их с Дианой общая знакомая только что опубликовала фотографию. Диана широко улыбается, щеки у нее лоснятся; она в домашней одежде: дурацкая красная футболка, на груди британский флаг из страз, розовые леггинсы с дыркой на коленке. Подруга сидит на кровати, скрестив ноги, рядом лежит одноклассница, а другая, в школьной форме, наклонилась к ним и показывает пальцами знак победы.

Оля села и написала Диане: «Что делаешь?» Не дожидаясь ответа, отправила другое сообщение: «Можно я приеду?»

Она резко встала с дивана, натянула джинсы, взяла куртку, рассовала по карманам кошелек,

гигиеническую помаду, наушники и ключи. После уроков Диана сказала, что ей нужно домой. Может, она и Олю звала с собой? Может, они друг друга не поняли? Оля еще раз посмотрела на фотографию. Их там что, четверо? Пост опубликовала девочка, которая жила совсем в другом районе. Оля обновила ленту. Ничего нового. Она проверила, на месте ли проездной, захлопнула дверь квартиры и сбежала по лестнице.

Солнце светило так ярко, что Оля поморщилась. Она не провела дома и часа, а уже превратилась в грызуна — подслеповато щурилась на свет. На ходу она провела пальцами по волосам, перекинула их назад, пригладила. Днем Оля предложила Диане сходить в центр. Но, конечно, она согласилась бы и на любой другой досуг, и Диана это знала. Она знала, что Оля не хочет оставаться одна. Лучшие подруги не бросают друг друга.

Парковка перед домом была вся в ямах. Оля старалась перепрыгивать через самые большие, чтобы не замедлять шаг. Сквозь подошвы кроссовок она чувствовала жар дороги и уколы гравия. Асфальт плавился под палящим солнцем, рытвины будто норовили затянуться сами собой. Даже рекламный щит над светофором выглядел как новый: с него улыбалась модель, опустившая руки в раковину с густой пеной. Перекресток окружали многоквартирные дома: фасады поделены на разноцветные секции темными линиями бетонных швов. Там, где раньше жили

люди побогаче, розовая и персиковая краска облупилась. Те, у кого сейчас водились деньги, делали в своих квартирах темно-синие балконы. В просветах между домами виднелись сопки; их склоны подернуты желтизной.

Олина мама сейчас там, севернее этих сопки. Летит на туристическом вертолете над тундрой. То и дело повторяет солнцу: «Arigato»⁴.

Услышав звук своих спешных шагов, Оля сбавила темп, почувствовала ласковый солнечный свет на лице, а потом увидела, как автобус выезжает на кольцо, и побежала на остановку.

Она шла по проходу; автобус раскачивался. По обе стороны разные униформы: комбинезоны рабочих, костюмы медработников, синяя форма полицейских и зеленая, застегнутая на все пуговицы, — военных. День близился к концу. Все мужчины в автобусе выглядели как потенциальные похитители. В августе в Петропавловске поползли слухи о том, что похититель — неизвестный мужчина крупного телосложения. Искать бесполезно, так прокомментировала Олина мама. Она сказала, может, свидетель вообще ничего не видел. Под это описание подходит половина города, под подозрением может оказаться любой. Оля нашла свободное место и села.

Диана не отвечала. Оля отправила несколько вопросительных знаков, заблокировала экран и закрыла крышку чехла, будто бы этим

⁴ «Спасибо» (яп.). *Прим. пер.*

стерла свое сообщение. Чтобы отвлечься, стала смотреть в окно.

«Золотая осень» — так мама называла это время года, короткое и прекрасное, как на картине. Все деревья в золоте. Воздух еще зовет на улицу. Он даже более летний, чем летом. Пик Корякской сопки на горизонте уже примерил первую снежную шапку. Скоро наступят холода, но пока тепло.

Диана наверняка уже поняла, что Оля увидела фотографию. Она зажала телефон между ладонями. Интересно, девочки сейчас над ней смеются?

Так всегда: чем больше сближаешься с человеком, тем чаще ему врешь. Малоознакомым людям Оля могла сказать что угодно: могла признаться медсестре, что ей больно, когда делают укол, или попросить продавца в продуктовом отложить что-нибудь, потому что не хватает денег. Оля была честной, когда оставалась одна. Она не стеснялась тех одноклассников, с которыми не дружила: как-то раз парнишка за партой позади нее стал хвастаться, что получил высший балл за первую контрольную в году, так Оля тут же негодуя отвернулась от него. Этот праведный гнев разжигал пламя в ее груди. А вот с мамой Оля уже не была такой прямолинейной, даже когда та заставляла ее убираться в квартире; да и с Дианой тоже частенько приходилось держать язык за зубами.

Этим утром перед первым уроком Диана потребовала от Оли говорить потише. «У меня

от тебя голова болит», — пожаловалась она, сложив руки на парте и уткнувшись в них лбом. Оля не спросила, что не так с ее голосом, а, тронув подругу за плечо, зашептала ей на ухо, но тут в класс вошла учительница. С Дианой Оля оставалась вежливой, даже когда слова застревали у нее в горле, как камни.

За обедом они проверяли домашнее задание по математике. Диана исправляла Олю, а та кивала, хотя подруга вела себя некрасиво. Самодовольно. В начальной школе Диана была чудо как хороша. Темноволосая и более угловатая Оля любовалась ее затылком, когда их строили в колонну и переводили из кабинета в кабинет. Теперь девочки учились в восьмом классе. Диана так и осталась круглолицей блондинкой с бледной кожей и яркими губами, как блестящая красная краска на новой машине; но вот щеки покрылись акне. Ресницы, когда-то удивительно белые, стали совсем прозрачными. Посмотришь на подругу — красавица, а потом глядь — перед тобой уже чудовище.

Оля приоткрыла ладони и посмотрела на свой телефон. Ничего.

Днем на физкультуре они с Дианой, как всегда, бегали рядом. Оля старалась бежать в ногу и подстраивалась. Она могла бы побежать быстрее, но, если любишь, идешь на компромиссы. Рядом с дорогими людьми свобода ей была не нужна.

Под окном автобуса скопились машины. Вдоль дороги полыхали оранжевые и багровые

листья, белели покрашенные стволы берез, серели пыльные фасады зданий, десятилетиями не видевшие свежей краски. На стенах в автобусе расклеены предупреждения о правилах безопасности от корейского производителя, а русские пассажиры исписали стены толстыми фломастерами. Автобус вез Олю под горку.

Он остановился на шестом километре, у рынка, где старушки продают всякую всячину и пирожки, а потом повернул в сторону «Горизонта». Оля поудобнее уселась на сиденье. Рядом с ней в пластиковой раме дрожало окно. Она представила, как без приглашения заявится к Диане домой, и ей стало противно. Разве лучшим друзьям не нужно говорить, что хочешь их видеть? Она прикрыла глаза, снова открыла их, набрала номер подруги, но та не ответила.

Оля позвонила снова. И еще раз. Скоро Дианина остановка. Прижав телефон к щеке, Оля протиснулась мимо чужих коленей, показала водителю проездной и вышла на углу; всё в этом районе было ей знакомо. В трубке раздавались гудки. Оля сбросила звонок.

Она так торопилась, что стало жарко. Стоя на остановке в трех домах от Дианиного, она сбросила куртку, чтобы ветерок остудил ее плечи.

В этой части города дома выглядели чище. Район называется «Горизонт», потому что он словно висит в воздухе над оврагом, где растут пожелтевшие деревья, и первым встречает

рассвет. Оле нравилось бывать здесь. Она обновила новостную ленту — сплошные видеоклипы. Вбила имя подруги в строку поиска. Телефон зажужжал, и Оля чуть не выронила его.

— Привет! — сказала она.

— Это Валентина Николаевна, — ответила мать подруги.

Оля накинула куртку на плечи.

— Здравствуйте!

— Оля, тебе не стоит к нам приходить.

Девчачьих голосов не слышно. Наверняка все четверо в другой комнате.

Оля прищурилась:

— Если честно, я уже рядом с вами. Можно я загляну?

Валентина Николаевна вздохнула:

— Езжай домой. Тебе нечего здесь делать. Разве о тебе никто не будет волноваться? Должна сказать, мы против того, чтобы вы с Дианой общались вне школы.

— Что? — переспросила Оля.

— Диана больше не будет общаться с тобой вне школы.

Именно так всегда говорила мать подруги. Сегодня днем Диана скопировала ее сухой, циничный тон. Притом что слова звучали вежливые. Как понимать это несоответствие? Оле на встречу шла парочка, она уступила им дорогу, сделав шаг в сторону, туда, где заканчивается тротуар и начинается газон.

— Но почему?

— Ты на нее плохо влияешь, — ответила Валентина Николаевна.

Оля плохо влияет на Диану.

— Что? Как это?

Одна из девочек на той фотографии не носила нижнее белье, а первый мальчик у нее появился в пятом классе. Для сравнения: Оля даже сигарету целиком ни разу не выкурила. Она просто всегда была внимательна к подруге, копировала любимые песни на Дианин плеер и хранила в коробке под кроватью дешевые любовные романы, которые Валентина Николаевна не разрешала дочери читать. Иногда за обедом Оля слегка пинала Диану под столом, чтобы над ней подшутить. А еще списывала у нее математику. Вот и все, больше ничего.

— Разговор окончен, — отрезала Валентина Николаевна. — Твое поведение в последнее время вызывает беспокойство. Я ушам своим не поверила, когда Диана сказала, что ты зовешь ее гулять в центр.

— Что в этом такого? Все нормально!

— Нет, не нормально. И ты об этом знаешь. Твоя семья... Никакой дисциплины! Это просто неприлично!

Оля прикрыла глаза рукой. Позади одного из опрятных домов на сопке залаяла собака.

— Моя семья... Это вы о маме?

— А о ком же еще? — ответила мать подруги.

У Оли с дисциплиной все в порядке. Ее безупречная мама, потребности лучшей подруги

и собственные ежедневные усилия помогли ей воспитать в себе такую железную волю, что сейчас девочка не могла произнести правильные слова: «Валентина Николаевна, ну вы и тварь». Вместо этого Оля сказала:

— Не говорите так о моей маме.

— Мы говорим о тебе и моей дочери.

— Вы ошибаетесь. Это несправедливо.

— Я все сказала. Можете видетсья в школе под надзором учителей, но, пожалуйста, больше не звони Диане в свободное время. Договорились?

Оля молчала.

— Ты меня поняла?

— Да, — сказала она. Только так можно было закончить этот разговор.

Дианина мать ответила:

— Хорошо. Спасибо. У меня все.

Когда Валентина Николаевна положила трубку, Оля вытерла дисплей о рукав рубашки и посмотрела на черные разводы. Разблокировала. Нашла в списке контактов маму и замерла.

Что она ей скажет? «Валентина Николаевна считает, что мы плохо влияем на ее дочь»? И что мама ей ответит? Она не сможет изменить того, что уже произошло.

Валентина Николаевна всегда недолюбливала Олину семью. Девочки подружились в пятом классе, ночи напролет говорили по телефону, и уже тогда Дианина мать возражала против их общения. Она работала администратором

в начальной школе и пользовалась информацией из личных дел учеников в собственных целях. Когда Оля была у них в гостях в последний раз, в разгар ужина хозяйка указала пультом на телевизор. Передавали вечерние новости: бесконечная череда заявлений полицейских, планы представителей гражданского поискового отряда, фотографии сестер Голосовских. «В советское время такого бы не произошло», — сказала Валентина Николаевна. Диана прихлебывала суп. «Вы себе не представляете, насколько безопасно нам жилось. Никаких посторонних людей. Власти совершили ошибку, открыв полуостров для приезжих. — Она отложила пульт. — А сейчас полно туристов. Мигрантов. Всяких коренных. Преступников».

Оле следовало держать язык за зубами. Однако она спросила: «А разве коренные жители не всегда жили здесь?»

Валентина Николаевна обратила свое круглое, как у дочери, лицо в сторону экрана. Она накрашила ресницы тушью, чтобы глаза выглядели ярче. «Они жили у себя в селах, где им самое место».

Журналист повторил, что в последний раз сестер видели в центре Петропавловска, — это вообще ничего не значит в городе с населением двести тысяч человек на полуострове протяженностью тысяча двести километров. Никто уже не обращал внимания на предостережения полиции. Когда показали мать пропавших

девочек, Валентина Николаевна сказала: «Вот и она». Хозяйка положила руку на стол между дочерью и ее подругой, чтобы привлечь их внимание. «Ужасно, да? Какая трагедия! Бедняжка... Осталась совсем одна, мужа нет, работает без продыху. В личном деле ее младшей дочери сказано, что мать не была ни на одном родительском собрании. — Валентина Николаевна посмотрела на Олю и вскинула подбородок. — Отца нет, мать занята. Вот так и случаются несчастия».

Оля хотела ей возразить. Сказать, например: «Как вы смеете», или «Замолчите», или «Я знаю, что вы обо мне думаете», но она даже не попыталась. Диана бы не одобрила. Вместо этого гостя помешала суп в тарелке. Каждый день Валентина Николаевна уходила с работы в три часа, садилась на отремонтированной кухне со своим тупым муженьком, заштатным ученым из Института вулканологии, и рассуждала об Олиной неблагополучной семье. Ее мама талантливая и много путешествует; да, у них нет денег на тушь для ресниц, и времени на то, чтобы смотреть вечерние новости и причитать о судьбе двух незнакомых девочек, тоже нет.

Олин дом отличался от Дианиного. С мамой весело. В перерывах между командировками она давала девочкам померить свои лучшие наряды: красноармейскую пилотку, шелковое кимоно, которое привезла из Киото, где стажировалась студенткой, кожаную юбку-карандаш.

Если к ним домой вместе с Олей и Дианой приходил кто-то еще, мама приветствовала гостей по-японски. Когда она говорила, щеки приподнимались: она улыбалась, но хотела скрыть эту улыбку, поэтому раскачивающиеся звуки японского языка у Оли ассоциировались с маминым мерцающим счастьем. Пару месяцев назад Диана, насмотревшись аниме и нахватавшись там разных выражений, попыталась блеснуть знаниями перед Олиной мамой, а та, уперев руку в бедро, ей ответила. Секунд десять подруга делала вид, что понимает, а потом уголки ее губ грустно опустились. Олина мама улыбнулась и сказала: «Я шучу, солнышко».

Мама простая и умная, доверчивая и веселая. Если Оля позвонит ей сейчас, то все испортит.

Незваная гостья села на корточки и уткнулась лицом в локоть. На другой стороне улицы шумели деревья. Ветер гулял в овраге. Мимо проносились равнодушные машины.

Диана — Олина подруга. Лучшая подруга. Они знакомы с первого класса. Пусть Диана иногда странно себя ведет, то отстраняется, то опять ни с того ни с сего тянется к ней, Оля все равно любит ее. И пусть Оля раздражается, ерзает во время уроков, порой говорит колкости одноклассникам — Диана тоже ее любит. Она оставалась у Оли с ночевкой, когда мама уезжала по делам. Подруга расчесывала Олины волосы и заплетала их в косичку, которая на конце становилась тоненькой и растрепанной, как

обкусанный карандаш. Диана брала у Оли футболки поносить, чаще даже нестиранные — ей нравилась такая близость, она чувствовала подругу кожей, и Оля не заставляла ее этого делать! Диана старалась быть хорошей подругой по тем же причинам, что и Оля: они дружили давно, ей так хотелось, она заботилась об Оле.

Рукав куртки намок от слез. Выпрямив руку, Оля заметила, что на сгибе локтя, там, где ткань сборола, осталось сухое пятнышко в виде звезды.

Она встала и написала Диане: «Ты можешь поговорить со мной?» Посмотрела на экран. Ответа нет.

Даже если бы Диане разрешили что-нибудь написать, сказать ей нечего. Еще одно оправдание. Минимум раз в неделю Оля повторяла, что исчезновение тех сестер их двоих не касается: пропали две маленькие девочки, пустоголовые; старшая только пошла в среднюю школу.

После уроков Оля предложила сходить в центр, а Диана опять заговорила про сестер. Как будто город виноват в их исчезновении. Оля попросила: «Позвони домой, вдруг разрешат». Пока дети, толкаясь, выходили на улицу, а учителя что-то кричали им вслед, Диана позвонила домой: «Хорошо, мам. Я знаю, она такая. Приду».

Она положила трубку, а Оля ответила: «Ты даже не попыталась». Подруга покачала головой: «Попыталась». Оля повторила: «Нет, не попыталась». Диана опустила голову так, что за белой челкой было не разглядеть глаз. В такие

моменты она походила на альбиноса. «Мама сказала, она против того, чтобы мы гуляли вместе. Я слушаю, когда мне говорят, что делать». Это «я» прозвучало как упрек.

Оля не ответила ей, что если кто из них двоих и слушает, так это она. И вот доказательство.

Она слышала истинный смысл слов Валентины Николаевны. Плевать на пропавших девочек, они чужие люди. Она просто ненавидела Олю и ее маму, без причины, просто потому, что им хватило смелости жить самостоятельно.

К остановке, пыхтя, подъехал автобус. За передним стеклом подпрыгивала пластиковая табличка с описанием маршрута: он шел не в сторону Олиного дома, а в другой конец Петропавловска, в направлении судоремонтного завода и Завойко. Оля нащупала проездную. Можно сесть в этот автобус. Можно делать что угодно. Она одна.

И Оля села. Автобус повез ее мимо отделения полиции, больницы, цветочных ларьков и киосков, где продают пиратские DVD-диски; мимо новенького продуктового магазина, в котором можно купить яблоки из Новой Зеландии; мимо стадиона «Спартак». Олю со всех сторон обступили взрослые, она держалась за поручень-петлю. Было слишкомлюдно, достать телефон она не могла, поэтому просто представила себе ту фотографию. Диана получилась плохо. Показные плечи, белые угри. Одноклассница наклонилась, чтобы попасть в кадр; с одной стороны

задралась юбка, обнажив ногу. Лица у всех четверых блестят из-за вспышки.

В проходе стояла пожилая женщина и смотрела на Олю. Может, думала о ее «вызывающем беспокойство» поведении. Девочка потрясла головой, чтобы спрятать лицо за спутанными волосами.

Когда автобус затормозил на следующей остановке, Оля вышла, расталкивая зазевавшихся пассажиров. Она выбралась из толкотни и заметила, что в центре города все ещелюдно. Вот памятник Ленину, у него развеваются полы пальто, а под памятником школьники катаются на велосипедах. Вот фасад администрации, а позади залитые закатным светом сопки. Вот вулкан, отсюда виден только его пик. Справа от Оли галечный пляж и бухта. Рядом Никольская сопка. Выхлопные газы автомобилей смешиваются в воздухе с запахом масла и соленой воды. Нужно вообще не иметь мозгов, чтобы дать себя похитить в центре города.

Оля проверила, на месте ли кошелек, и пошла в сторону киосков с едой.

— У меня восемьдесят шесть рублей, — сказала она продавщице, а та кивком головы указала на прейскурант. — Можно мне хот-дог?

— Он стоит сто десять.

— Можно тогда без булки?

Продавщица закатила глаза.

— Восемьдесят шесть, говоришь? За газировку и чай восемьдесят пять.

Оля положила деньги на прилавок и забрала один рубль, пригоршню пакетиков с сахаром и банку кока-колы. Минуту спустя ей дали мягкий стаканчик горячего чая. С напитками в руках, один горячий, другой холодный, она пошла по каменистому берегу к скамейке.

Позади нее ездил машины. Небольшие волны плескались о камни. Сначала Оля выпила газировку, прислушиваясь к прибою, гулу моторов, голосам мальчишек у памятника. Потом высыпала в стакан три пакетика сахара и выпила чай, запрокинув голову назад, чтобы сахарная гуща со дна сползла на язык. Сладкий песок в горле.

Людей становилось все меньше. Птицы полетели в сторону сопки. Солнечные блики играли на воде. Краны дальше на побережье стояли без движения. Крановщики давно дома, с семьями или друзьями.

Телефон оттягивал карман куртки. Оле не хотелось проверять ленту. Может, там появилось больше фотографий четырех подружек — голова к голове, например, или одна держит в руках лицо другой, а внизу подпись: «Лучшие подруги». Это пострашнее, чем чужак в городе.

Хотя, может, и нет никаких новых постов. Может, Валентина Николаевна отобрала у Дианы телефон после сегодняшнего разговора. Может, выгнала тех девчонок. Может, Диана прорыдает всю ночь, услышав, что сказала ее мать.

Завтра перед уроками Оля спросит: «Почему ты позволила ей так со мной разговаривать?»

Диана ответит: «Я не могла ее остановить. Она отобрала мой телефон и оттолкнула меня».

«Ты никогда ей не перечишь. Она больная на всю голову». Оле можно говорить откровенно, потому что с ней обошлись несправедливо, и Диане придется согласиться, хотя она столько лет делает вид, что у нее идеальная семья.

Вместе они придумают план. Диана скажет матери, что вступила в какой-нибудь клуб по интересам, и тогда они смогут два раза в неделю ходить после школы к Оле домой. Это будет их секрет. Олина мама их не выдаст. Оля разорвала еще один пакетик с сахаром, высыпала содержимое в рот и прожевала. Сахар растворился на зубах. Клуб по интересам можно назвать так: «Все ненавидят Валентину Николаевну» или «Побег от матери-монстра».

Оля проглотила сахар, смахнула мусор на землю и легла на скамейку.

Тихонько шумел прибой. Примерно в двух метрах от берега вода покрылась рябью. Там, вдалеке, темнел другой берег, редкие огни намекали на Вилючинск, город подводников со стоянками атомных подводных лодок, горы наслаивались друг на друга, бледнея на вершинах.

Еще клуб можно назвать вот как: «Оля сама по себе». Она знала, Диана на это не пойдет. Просто знала. Никакого клуба не будет. Когда речь заходила о любви или лжи, Диана всегда отодвигала Олю на второй план.

Желтое закатное небо отражалось от земли. Вдалеке мигали огни. У Оли за спиной то и дело проносились машины.

Виски увлажнились и похолодели от слез. Оля протерла глаза. Кто-то крепко взял ее за правую лодыжку большой рукой, и она в ужасе села.

Возле скамейки стоял полицейский, которого она видела по телевизору. Высокий, в солнечных очках; форма придавала ему важный вид. Он отпустил Олину ногу и спросил:

— Алена Голосовская?

Оля подтянула ноги к себе, часто дыша:

— По-вашему, я на нее похожа?

— Фамилия, имя, отчество.

— Петрова Ольга Игоревна. — Вот, значит, как полиция проводит поиски? Ходят от скамейки к скамейке там, где школьниц видели в последний раз? Ничего удивительного, что сестер до сих пор не нашли. — Я старше их. Учусь в восьмом классе. И я вообще не похожа на Алену Голосовскую.

Оля вытерла слезы обеими руками и посмотрела на следователя; ее лицо отразилось в стеклах его очков. Пропавшие сестры были миниатюрные, хрупкие и тщедушные. Не то что она, подросток-переросток.

Следователь внимательно посмотрел на Олю, а потом махнул кому-то рукой. У обочины, не заглушая мотор, ждала полицейская машина.

— Как давно ты здесь?

— Может, час.

— Не видела никого подозрительного?

— Никого. Вас только.

— Больше к тебе никто не подходил? Может, водитель какой-нибудь черной машины? — Оля покачала головой. — Не закатывай глаза, когда я с тобой разговариваю, — велел следователь.

— Я не закатывала. — Удивительно, как приятно врать постороннему человеку.

— Надеюсь, ты понимаешь, как опасно гулять здесь одной?

— Нет, не понимаю, — ответила Оля и улыбнулась полицейскому. — Мама только что вышла с работы, она меня заберет. Приедет с минуты на минуту. — Телефон, зажатый между ладонями у нее на коленях, завибрировал. Оля вздрогнула. — Мама звонит!

Следователь переступил с ноги на ногу. Хотя полицейская форма и очки придавали ему важности, лицо у него было молодое. Из заднего кармана он достал визитную карточку и протянул Оле. «Лейтенант Николай Данилович Ряховский». Ниже номер телефона, в углу вытравлен герб.

— Позвони, если что-нибудь вспомнишь, — попросил он. — И передай маме, чтобы больше не назначала тебе встречу здесь: это неподходящее место.

Оля кивнула и поднесла телефон к уху.

— Да, мамочка. Уже едешь? Здорово!

Следователь удалялся, галька скрипела у него под ногами. Телефон, прижатый к щеке, вибрировал.

Как только Николай Данилович сел в машину, Оля снова легла на скамейку. Она посмотрела на экран. Пропущенный от Дианы. Она разблокировала экран, смахнула уведомление, открыла их переписку и стала ждать объяснений от подруги. Она представляла себе буквы, хаотичные пробелы. Ничего. Оля опять заблокировала экран.

По правде говоря, ей не хотелось перезванивать.

Она сидела на лавке совсем одна. Ей так даже нравилось.

На закате прибрежные камни поменяли цвет: были серые и черные, а стали медового оттенка. Янтарного. Они блестели. Скоро галька засияет, а вода в бухте окрасится в розовый и оранжевый. Из центра города открывается потрясающий вид, а родители боятся отпустить сюда своих красавиц-дочерей.

Оля повернула голову, затылок перекатился по рейкам скамьи. Боковым зрением она увидела белые и желтые электрические огни. Солнце заиграло в волосах. Куртка тоже напиталась светом. Вспыхнула.

Золотая Оля. Она сосредоточилась на светоносном воздухе. Даже если Диана придет к ней домой и объяснится, если принесет в школу письменное извинение от Валентины Николаевны; или если мама приедет на следующей неделе и скажет, что нашла новую работу с более высокой зарплатой: будет преподавать грамматику

в университете и больше никогда не уедет надолго; или если похищенные девочки вернутся, а полицейские перестанут патрулировать улицы, и в Петропавловске возобновится нормальная жизнь... Даже если все это произойдет, Оля не сможет описать эту игру света. Она никому ничего не расскажет. Никто не узнает, что пропустил самый красивый осенний день, и только Оля видела его изнутри.

Как приятно сохранить этот миг в тайне! Как спокойно внутри себя!